

Сергій Данченко. Бесіди про театр

Автор літературного запису, обробки та упорядкування кандидат мистецтвознавства Коваленко О.М.

VIVA VOX – Київ, 1999

Це єдине професійне видання, що вийшло за життя тепер вже класика українського театру – Сергія Данченка й написано з автентичних бесід з ним. Видання унікальне тим, що це єдина з книг, якою Сергій Данченко, опікувався особисто і над якою працював цілеспрямовано, відкладаючи побіжні справи, паралельно з репетиціями «Короля Ліра».

Мирослав Попович

доктор філософських наук,

професор, академик НАНУ

ИСКУССТВО МГНОВЕНИЯ И ВЕЧНОЕ ИСКУССТВО

При творческой поддержке Национального академического драматического театра имени Ивана Франко и Государственного центра театрального искусства имени Леся Курбаса вышла в свет книга художественного руководителя театра Сергея Данченко «Бесіди про театр» в новой авторской издательской серии «VIVA VOX» кандидата искусствоведения, сотрудника Центра Курбаса Елены Коваленко.

Более восьми десятков фотографий, более сотни энциклопедических примечаний, в том числе по персоналиям современных деятелей украинского и российского театра, более семи десятков библиографических источников, выступления С. Данченко в СМИ разных лет дополняют разговор о театре Елены Коваленко – автора литературной обработки и концепции художественного оформления книги – с Сергеем Данченко. [...] Это – не обычная авторская книга и не совокупность интервью. Сергей Владимирович как бы разговаривает непосредственно с читателем. В то же время сохраняется ощущение, что он говорит не по своей инициативе, что его открытость отнюдь не демонстрация, а просто искренние ответы много продумавшего и пережившего собеседника. И спорить с ним в тех местах, где согласиться трудно, не имеет смысла: на откровенность следует ответить пониманием.

Откровенность автора, может быть, особенно чувствуется в последних страницах книги, когда С. Данченко говорит о внутренней жизни театра. Есть люди, которые жадно ловят все тайны любимого ими театрального мира. Их можно понять: сплетни и интриги «там», «наверху», приближают олимпийский мир к обыденности, и не всегда для того, чтобы его упростить и унизить, просто всем хочется знать, «как это делается».

«Театральность» означает в обычной речи некую приподнятость, демонстративность в расчете на сильный эффект, неестественность, создающую как бы особую «ненастоящую» жизнь. Собственно пьеса — еще не театр, а литературный материал. Театральное искусство есть искусство исполнительское и живет лишь тем мигом, в котором оно исполняется и переживается актерами и зрителями.

Это ощущение временности и мгновенности жизни театрального произведения глубоко свойственно Сергею Данченко, как и неразрывно связанное с ним противоположное чувство — чувство подлинности и вневременности театра.

Сергей Данченко вырос в театральной семье, и ощущение театра как способа бытия вынес, очевидно, с раннего возраста. Потому, может, и хотелось ему жить «настоящей жизнью», в качестве которой он избрал профессию геолога. Приход в театр после геологических экспедиций означал для него не просто смену профессии, а выбор именно театра как «настоящей жизни» благодаря приобретенному в университетской профессии всеземному масштабу. В рассказах Данченко чувствуется просто зрительное ощущение тонкости и хрупкости той пленки, которую представляет собой человеческая цивилизация на земном шаре. Взгляд на человечество как бы со стороны — это тот первый шаг, который ведет к пониманию человеческой природы, ее трагизма и данной только человеку осмысленной радости бытия.

Читая книгу Сергея Данченко, понимаешь, что

такое большой режисер.

И в кино, и на телевидении, и в театре режиссер прежде всего обеспокоен репертуаром. Менее обеспокоенные быстротечностью своей исполнительской жизни кино и телевидение склонны создавать новые и новые сценарные сюжеты, новую литературную основу. Почитайте, какие разнообразные авторы и какие эпохи привлекали режиссера Данченко. Шекспир, Чехов, Ибсен, — и одновременно наши современники, далеко не всегда сравнимые с классикой... Мир достижений человеческой мысли и человеческого чувства, его различные болевые точки, как заоблачные вершины, так и что-то видимое только нами и интересное только нам, таковы координаты пространства театральной культуры, создаваемой нам такими людьми, как Данченко.

Данченко говорит, что принадлежит к пространству европейской культуры. Это естественно, — то, что стилистически слишком связано с иным, чужим для нас, культурным пространством, трудно будет воспринято и режиссером, и зрителем. Очень просто был решен в творческой биографии Сергея Данченко выбор между европейской или этнографически-украинской ориентацией. Режиссер говорит о своем «недекларированном сопротивлении» этнографически-бытовому искусству». Здесь определенную роль сыграла его принадлежность к львовской интеллигентной среде. В Надднепрянской Украине этнографический музыкально-драматический театр долго был средством самоидентификации зрителя как украинца. Так было до революции, так долго оставалось и после неё, а коммунистическая власть использовала и поддерживала эти формы как ширмы и прикрытия, как нечто однопорядковое с торжественными концертами в честь различных знаменательных событий. Львов просто не нуждался в примитивных формах национального самораспознавания. За спиной в его культурной истории были и «Молодая Украина», и собственный модерн, и постмодерн. Не идеализируя Галицию,

нельзя не отметить ее органической близости к европейскому миру. Данченко ушел далеко от тех проблем, которые многим культурным деятелям Украины еще кажутся спорными.

Был ли им сделан выбор в пользу какой-то школы, направления, — модерна, постмодерна или еще чего-то более сногшибательного? Размышления Сергея Данченко показывают, что для культурного деятеля крупного масштаба подобные вопросы лишены смысла. В прошлом каждый писатель, архитектор, композитор, режиссер творил в рамках, ограниченных господствующими стилями. Смысл «модерна» и «постмодерна» заключался для подлинных творцов в совсем ином — в освобождении от оков принятой формы, в раскрытии новых и новых возможностей. Данченко очень мало говорит о своих чисто сценических решениях, хотя многие из них поражали своей пронизательностью и органичностью. Ибо эти решения были частью того культурного пространства, которое создавал он сам.

В отличие от права и морали, которые требуют соблюдения общечеловеческих правил, движения в общечеловеческом правовом и нравственном поле, искусство в каждом своем крупном явлении создает собственные точки отсчета и выбирает собственные авторитеты.

Молодому читателю трудно представить трагизм положения деятеля театра в коммунистическую эпоху, особенно деятеля такого масштаба, как Данченко. Ведь рамки выбора даже в таких исходных вопросах, как репертуар, были предельно ограничены более или менее тупыми чиновниками. И с ужасом думаешь о том, что завтра свобода творчества может быть столь же жестоко ограничена властью денег.

Хочется поддержать мысль Сергея Данченко о том, что огромный социальный и культурный сдвиг в нашей стране прошел как-то слишком легко через сознание очень широких слоев народа, в особенности молодежи. Все произошло быстро и без драматических

последствий в душах людей. А ведь легко отказываться от глубоких убеждений опасно и грешно.

В осознании глубинных сдвигов в нашей жизни, принесенных последними десятилетиями уходящего века, опыт таких выдающихся наших современников, как Сергей Данченко, сослужит бесценную службу.

«Зеркало недели»
№ 48 (249) 4.12.1999

